

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
Л Е Н И Н

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · М О С К В А · 7 · 3

шие коллекцию одного любителя»⁹². Это была часть собрания, за три года до того осммотренного мною в Нише. Самые значительные — по мнению экспертов аукциона — автографы воспроизведены в каталоге, и в их числе письмо Достоевского. Предварительная его оценка, указанная в печатном приложении к каталогу — от 6000 до 7000 франков, свидетельствует, как за рубежом редки рукописи Достоевского; ведь предварительная оценка подобного рода автографа Тургенева в том же приложении определена всего в 300—400 франков. Как мне сообщили, письмо Достоевского было приобретено на этом аукционе заокеанским коллекционером.

Второй автограф — фотография писателя, подаренная им с надписью Я. Ф. Сахару, — попал на аукцион, состоявшийся 23—24 мая 1967 г. в антикварной фирме Штаргардт в Марбурге (ФРГ), которая с 1830 г. занимается продажей автографов выдающихся представителей литературы, музыкального, театрального и изобразительного искусства, ученых и политических деятелей. К каждому аукциону выпускаются богато оформленные каталоги, из которых видно, как часто там бывают автографы русских писателей, политических деятелей, музыкантов⁹³. В каталоге № 580, кроме фотографии с автографом Достоевского, приведены сведения о продававшихся тогда же двух письмах Льва Толстого и письме Чайковского. В пояснениях к автографу Достоевского в каталоге сказано, что это «исключительная редкость», да и цена ему была назначена высокая — 3500 франков. Но самое интересное в пояснениях — это указание, что за все время существования фирмы там ранее были проданы всего два письма Достоевского и книга с его дарственной надписью⁹⁴. В литературе о писателе нет никаких сведений об этих трех его автографах.

Весьма возможно, что в частных собраниях за рубежом имеются еще какие-то творческие рукописи, письма и книги с дарственными надписями Достоевского, но они до сих пор остаются невыявленными, неописанными и неопубликованными.

VII. ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ДОСТОЕВСКОГО

Последнее по хронологии письмо Достоевского, напечатанное в четырехтомнике, датировано 26 января 1881 г. и обращено к Н. А. Любимову; в нем просьба дослать остаток в 4000 рублей, причитающийся за «Братьев Карамазовых». Написано это обращение к Любимову обычным, почти каллиграфическим почерком. Но одна фраза в письме заключает в себе нечто настораживающее: «...могу ли надеяться еще раз на внимание ваше и содействие к моей теперешней, последней может быть просьбе?» По-видимому, Достоевский чувствовал себя серьезно больным, когда эти строки ложились на бумагу⁹⁵.

Еще в ночь на 26 января у него хлынула кровь горлом, после того как, работая за письменным столом и уронив вставку с пером, он, чтобы ее достать, отодвинул тяжелую этажерку. А днем, после разговора с сестрой В. М. Ивановой, старавшейся уговорить брата отказаться в пользу сестер от своей части в наследстве их тетки А. Ф. Куманиной, Достоевский так разнервничался, что у него вновь началось кровотечение. Когда в 5 ¹/₂ часов дня к нему приехал доктор Я. Б. фон Бретцель, снова пошла кровь горлом, и Достоевский потерял на некоторое время сознание. Врач признал его состояние тяжелым и, оставшись на ночь дежурить у постели больного, предложил пригласить еще двух врачей — Д. И. Кошлакова и А. А. Пфейфера.

Следующий день, 27 января, прошел относительно спокойно, однако 28 января в петербургских газетах, в частности в «Новом времени», появились тревожные заметки о том, что Достоевский «сильно занемог». Прочитав об этом, графиня В. Н. Гейден, часто встречавшаяся с Достоевским в конце 1870-х годов, написала утром 28 января Анне Григорьевне письмо, в котором просила сообщить о его здоровье посланному⁹⁶. В тетради Анны Григорьевны, куда она вносила записи о событиях тех скорбных дней, среди сделанных 28 января имеется и такая: «Вечером до Кошлакова диктовал мне письмо к Гейден с историей его болезни»⁹⁷. И хотя в бумагах А. Г. Достоевской, находящихся в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, сохранился отдельный листок с текстом этого письма и к тому же сведения о нем при-

ведены в «Описании рукописей Ф. М. Достоевского»⁸⁸, в четырехтомнике письмо к Е. Н. Гейден отсутствует.

Вот что написано рукою Анны Григорьевны на отдельном листке (публикуется впервые):

Продиктовано мне в ответ на письмо графини Гейден в 5 часов или $\frac{1}{2}$ 6-го в день смерти:

«26-го числа в легких лопнула артерия и залила, наконец, легкие⁸⁹. После 1-го припадка последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задушением. С $\frac{1}{4}$ часа» Федор Михайлович был в полном убеждении, что умрет; его исповедили и причастили. Мало-по-малу дыхание поправилось, кровь унялась. Но так как порванная жилка не зажила, то кровотечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятна смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия»¹⁰⁰.

Хотя написано это письмо в третьем лице, все же оно безусловно передает полностью именно то, о чем просил сам Достоевский сообщить Е. Н. Гейден.

Через два часа Достоевский скончался. Произошло это в 8 часов 38 минут вечера 28 января 1881 г.

Будущее академическое издание писем Достоевского завершится, несомненно, этим его действительно предсмертным письмом к Е. Н. Гейден.

Таковы те десять писем Достоевского, отсутствующие в четырехтомнике, а также одна его фотография с дарственной надписью, которые были обнаружены в отделах рукописей Государственной Третьяковской галереи и Государственного литературного музея, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР и Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в коллекции А. Б. Гольденвейзера и в коллекции К. А. Федина, в зарубежных собраниях в Ницце и Париже.

В такой же степени, как разнообразны места хранения этих писем, разнообразны они по содержанию. Почти каждое письмо, максимум два письма, образуют отдельный сюжет. Поэтому и пришлось говорить о них в семи главах, в вводной же главе дать оценку четырехтомнику писем Достоевского, подготовленному А. С. Долининым, а также привести перечень тех вновь найденных писем, которые были выявлены и напечатаны до этой нашей публикации.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Ф. М. Достоевский. Письма». Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. В четырех томах. I. 1832—1867. М. — Л., 1928; II. 1867—1871. М. — Л., 1930; III. 1872—1877. М. — Л., 1934; IV. 1878—1881. М., 1959.

² В 1928 г. издательство «Academia» выпустило мою книгу «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева», значительная часть комментариев к которой была сделана по неизданным материалам.

³ В. Л. Комарович. Литературное наследство Достоевского за годы революции. Обзор публикаций 1917—1933 гг. — «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 274—275.

⁴ В т. 83 «Лит. наследства» (стр. 347) ошибочно указано, что эта записка адресована Д. Е. Кожанчикову.

⁵ Так же очень небрежно напечатал Б. И. Бурсов в своем странном не только по жанру («роман-исследование») сочинении «Личность Достоевского» интереснейшую запись посетителя у гроба жены (16 апреля 1864 г.). Б. И. Бурсов привел ее по весьма неточной публикации Б. П. Вышеславцева в парижских «Современных записках», 1932, кн. 50. Именно так, с пропущенными фразами, неверно прочитанными словами и грубыми ошибками перепечатал Б. И. Бурсов запись «Мама лежит на столе» («Звезда», 1969, № 12, стр. 154), не зная, что автограф входит в состав записной книжки Достоевского, хранящейся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, хотя на это указано в издании «Описание рукописей Достоевского» (1957), где запись упоминается дважды (стр. 21—22 и 133). См. полную публикацию той же заметки на 173—174 стр. т. 83 «Лит. наследства».

⁶ В. Л. Комарович. Указ. соч., стр. 275—278.